

ТАТЬЯНА КАЗАРИНА

ЕДИНСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

(О ПРОЗЕ ЮРИЯ МАЛЕЦКОГО)

1996 №17

В самое ближайшее время должна выйти из типографии книга прозы Юрия Малецкого. Она еще не появилась, но я берусь предсказать, что именно в ней особенно заинтересует самарцев, с какой страницы они начнут ее читать. Думаю, с той, где помещено посвящение к "Огонькам на той стороне": "Всем, любимым и нелюбимым, знакомым и незнакомым, забытым - жителям многострадальной Самары, а также покинувшим ее в сомнительных поисках лучшей доли".

О нашем городе Малецкий так или иначе вспоминает в каждой своей вещи, обычно - с иронией, но никогда - без симпатии.

Книга написана бывшим самарцем, преуспевшим на столичном литературном поприще, и уже поэтому может стать событием в наших краях. Самарские реалии здесь встречаются не на каждой странице, но Самара как часть сознания автора, как составляющее его "я" ощущается постоянно. И это интереснее, чем описание парков и площадей. Хотя, впрочем, узнаваемых подробностей именно нашего города тоже хоть отбавляй; доскональное знание местных мифов, умственных поверьй, бытовых частностей выдает в Малецком коренного жителя Старой Самары и настраивает на ностальгический лад. Так что у ветеранов города, записных самароведов еще будет повод послорить, верно ли названа в "Огоньках на той стороне" пивная у центральной площади и правильна ли указана цена сырка "Новость" в 1956 году.

Но что в прозе Малецкого ценнее местной экзотики и сходу подкупает любого, так это редкостная открытость умного человека, неспешивый интеллектуализм (сочетание почти невозможное!). В его общении с читателем много своего рода интеллигентской светскости - того хорошего тона, при котором собеседника невзначай производят в единомышленники и затем великодушно "балуют" всем самым любопытным и ценным, что самому писателю открылось. Разговор получается по-столичному бойкий, но не пустой: с какого-нибудь конца да засцепит за живое.

Тебя мигом приобщают, и посвящают, и удостаивают... но и втягивают в круг собственных проблем, где под интеллектуальным балагурством заплывают толстые слои интеллигентского мучительного самокопания. Эта простота сближения, заведомое отсутствие границ между незнакомыми людьми тоже, как я догадываюсь, как-то связана с провинциальным нашим простодушием и непуганностью живущих на отшибе.

Для полноты информации сообщу, что Юрий Иосифович Малецкий родился в Куйбышеве в 1952 году и в силу природной общительности чувствовал себя в этом городе как рыба в воде. В юности всегда был окружен плотным кольцом друзей и поклонниц, как и положено быть человеку обаятельно му и многообразно одаренному. Но оканчивая филфак университета, обнаружил, что интересен не только любознательным сверстникам-интеллектуалам. "После крупного разговора с ка-

питаном местного отделения ГБ, - рассказывает Юрий Малецкий в повести "Убежище", - так сказать, профилактическом, без

посадки, оформившего дело, по которому я, русский, зачислялся в ряды местных троцкистов-сионистов (в городе-то Куйбышеве в 70-е годы!), стало понятно: пора менять место жительства". В 1977-м Малецкий переехал в Москву, куда давно хотелось, чтобы "укрыться, найти свою норку, но не дырку в провинциальной дыре, а воронку в самом центре водоворота", и до последнего времени в этом водовороте пребывал, то в качестве экскурсовода в Манеже, то в роли лектора многих московских вузов, то на посту одного из редакторов "Нового мира", а позже - "Граней".

В новую книгу должно войти почти все, что Малецкий успел опубликовать в самых разных, но неизменно - самых престижных наших журналах. Стоит заметить, что даже первая его публикация (повесть "На очереди"), появилась не где-нибудь, а сразу в парижском "Континенте" в 1988 году. Потом были "Новый мир", "Золотой век", "Знамя", "Согласие", опять и опять "Континент", считающий его "своим" автором... После первого представления на Букеровскую премию критики заговорили о нем как о восходящей звезде первой величины. Сейчас он

Букер выдвигалась. Похожа на шкатулку со многими сюрпризами: успокоительно-размеренный тон повествования приучает к себе только для того, чтобы подготовить шоковый эффект, момент стилевого взрыва: каркас всего построения внезапно обнажится, арматура повествования вылезет наружу, всяrudиментарная приключенческая атрибутика окажется в ходу, как то: обнаружение клада, преследование возлюбленной, каскад превращений героя вплоть до самого последнего и самого загадочного - в finale.

Несомненно, перед нами самое условное из произведений Малецкого. Роман бурно эволюционирует прямо на наших глазах, и стилевые конвульсии - это метафоры состояний, через которые проходит центральный персонаж. Произведение не притворяется, а действительно оказывается приключенческим, но приключения переживает душа, а не плоть.

Герой то и дело отирает от себя многообразные "я" в надежде добраться до ядра собственной личности. Кажется, чем больше соскребешь случайных слов, тем ближе оригинал, подлинник. Но под на-

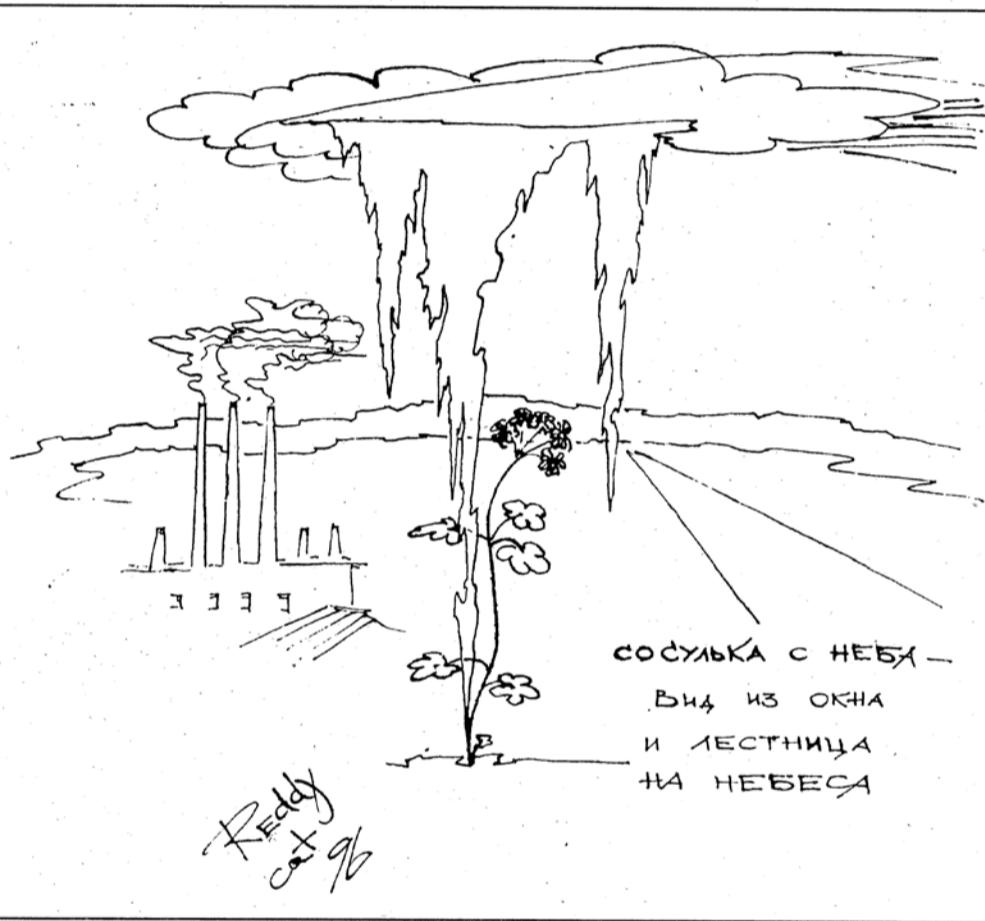
слояниями обнаруживается... другой. Это как если бы человек снимал с себя одежду, а под ней отыскал не себя, а кого-то еще. Конечно, это прием, иносказание, конечно, таким способом нам помогают понять, что суть подлинного "я" составляет адресованность другому, потребность в нем и готовность перелиться в него. Каскад превращений героя и стиля должен сделать эту истину труднодобываемой и поэтому не вполне привычной, не слишком плоской и прописной.

Но если даже она таковой покажется, не стоит обвинять автора в дидактизме. Потому что дело не столько в ней, сколько в том, как трудно она добывается. Да, ясно, что все это уже звучало в нашем мире. "Возлюби ближнего своего", и нечего мудрить. Но любопытно (и на мой взгляд, любопытнее всего остального в романе), через какие мучительные испытания должен пройти современный человек, чтобы это понять.

Время у Малецкого имеет приметы, причем не только внешние: не детали облика, а черты характера. Злободневное, хронологически приуроченное Малецкому не слишком интересно. Бывает, мелькнет упоминание либо о "Москве в ту золотую осень образцового коммунистического города, когда любой гастроном предлагал семь-восемь сортов сыра", либо о "наступлении других времен, когда можно было вслух говорить правду, зато кусок хлеба стал проблематичен". Но это всего лишь отметки о прибытии героя в очередной пункт жизненных странствий. Здесь время материально, как пространство, доступно для разглядывания.

А вот характер времени, его уникальный нрав угадывается скорее в том, какие непрямые пути к истине оно пролагает, каким головокружительно сложным делает постижение нравственных азов. Перед нами жизнь, растерявшая аксиомы, на основе которых она и была построена. В ходе сложных математических расчетов забывшая таблицу умножения. Ошеломляя, но ничего не высветляя в душевной смуте отдельного частного человека, "громокипящий кубок" знаний, вероучений, концепций всего лишь обязывает к собственному поиску. Торные дороги исчезают, и просто присоединиться к тем, кто нашел свой путь - это значит, сделать движение от себя, а не к себе.

Поэтому московская жизнь дана в романе не как рассыпь характеров или по-

снова вышел на букеровский старт с новым романом "Люблю" ("Континент" №88).

К своим сорока годам Малецкий написал не так уж много, но каждая вещь этого сборника - в ином роде, чем все предыдущие, так что не возникает мысли о поточном производстве. Наоборот, ощущается ненакатанность творческого процесса, видимо, мучительная для самого прозаика. Может быть, дело в серьезности поставленной задачи. Как объяснял Малецкий в интервью, он хочет быть "маленьким писателем большого стиля". Пугающая краткость: речь ведь не может идти о простом присоединении к другим писателям этого Большого Стиля, просто потому, что его (стиля) еще нет. Значит, для начала его надо создать, сформировать и, совершив этот творческий подвиг, скромно примкнуть к числу собственных последователей. Так что заняться есть чем. Что называется, нет, мы легких путей не искали...

Очень разные по стилю, по найденному художественному ходу, произведения Малецкого не без труда укладываются внутри одной книги. Помогает циклизация: девять разноплановых вещей объединены в три триады. Первая из них - "Физиология духа", где роман и две повести связаны общим для них интересом к неясляемым истокам всех наших жизненных проявлений. Даже чисто тематически разговор постоянно ведется о вещах метафизических: о любви, о смерти, о судьбе.

Последний по времени создания роман вынесен в начало. Возможно, потому, что автор в нем уверен: вещь хваленная, именно она на